

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Легенда про доктора Бартека. Польская народная сказка

Давным–давно это было. С тех пор прошло лет пятьсот да ещё сто.

Старые пряхи да люди бывалые эту историю длинными вечерами рассказывали, а что в ней быть, что небыль, теперь и не угадаешь.

Начнём рассказ сначала, а если в нём и лишнее что — шутки и небылицы, забудьте их поскорее, коли вам с ними расстаться не жалко.

В ту давнюю пору в одном селе жил вдвоём со старушкой матерью один парень по имени Бартоломей, но все его Бартеком звали.

Мать Бартека с утра до вечера на поле спину гнула, а Бартек ей помогал. Только не лежала у него душа к работе.

И вот однажды он матери и говорит:

— Нет от этой работы ни проку, ни радости. Пойду–ка я отсюда в дальние края, на людей погляжу, себя покажу, попытаю удачи.

Кто знает, может, и повезёт мне. Глядишь, денежки в кошельке заведутся и заживём мы с вами на славу.

— Да куда же ты пойдёшь, сыночек? — встревожилась мать.

— Мир велик, что–нибудь да придумаю.

Пошла старушка сыну ужин стряпать, потому что дело к вечеру близилось. А сын на пороге избы стоит да на дорогу поглядывает. Дорога эта в столичный город Краков вела, и народу по ней шло видимо–невидимо. Стоит Бартек, задумался, всё на дорогу глядит и вдруг видит — идут мимо парни с узелками да с котомками.

— Куда путь держите? — спрашивает Бартек.

— В Краков идём, в Краков! В университет, учиться!

Пригляделся к ним Бартек повнимательней — у каждого книги в руках, у одного ремнями перетянутые, у другого двумя дощечками закреплены, у третьего просто так, под мышкой.

— А много ли надо трудиться, чтобы науки одолеть? — спрашивает Бартек.

— Ох, много! — отвечают.— С утра до поздней ночи! Да и жизнь у бедного студента нелёгкая.

Задумался Бартек. По правде говоря, трудиться он не любил, всегда норовил от работы увильнуть.

А студенты между тем прошли мимо. Затихли их голоса и весёлые песни, только облачко пыли осталось.

«Что поделаешь,— думал Бартек,— от работы мне, видно, так и так не отвертеться. Но всё равно в городе легче путь к золотым монетам найти».

— А ну–ка, матушка! — крикнул он старушке.— Приготовьте мне узелок с бельём да пару грошей на дорогу. Пойду и я в Краков ума набираться. Может, научусь порошки и мази готовить. Больных людей исцелю да и сам в накладе не останусь.

Любила мать своего Бартека.

«Пусть идёт,— думает.— Парень он молодой, смышлёный, ленив, правда, и покрасоваться любит, но зато добрый и обходительный. Кто знает, может, и ему повезёт».

Собрала мать Бартеку узелок с бельишком, дала на дорогу ломоть хлеба, кусок сала, обняла на прощание и заплакала.

И отправился Бартек в путь–дорогу. Узелок свой на палке через плечо перекинул, идёт посвистывает, словно дрозд.

Людная была дорога. Шли по ней студенты, такие же бедняки, как и он. Шли и весело распевали свои песни. А в каретах да верхом ехал народ побогаче, тоже студенты, только дети богатых вельмож. Были они в модных бархатных плащах, а у многих на позолоченных поясах кинжальчики поблёскивали.

— Эй, вы! — кричали им пешеходы вдогонку.— Зачем вам кинжалы — с грамматикой воевать?

Смотрел Бартек на этих разодетых господ и думал: «Всё–то у них есть: и кони, и кареты, и монеты золотые. Матери их в богатых дворцах да замках выступают как павы, пышными юбками шелестят.

А тебя, матушка, работа в три погибели согнула. Ну ничего, будешь и ты у меня жить в достатке!»

Так незаметно вместе со всеми дошёл Бартек до городских ворот.

Темень вокруг — хоть глаз выколи. А на городской площади трубач подаёт из окошка Мариацкой башни вечерний сигнал, возвещает, что ещё один час прошёл и время позднее. Но вот последний звук трубы ушёл в небо, ударился о звёзды, разлетелся, превращаясь в брызги, и затих.

Но уже через мгновение послышались голоса входивших в город студентов. Кто спешил на ночёвку к родне, кто — в университет.

А Бартек шёл, расспрашивал да прикидывал, где ночлег дешевле, сколько грошей отложить на подати, сколько на ужин.

Вдруг из приоткрытых дверей харчевни послышались звуки лютни и весёлые голоса. Доносился оттуда и вкусный запах жаркого.

— Эй, братцы, не зайти ли нам выпить по кружке подогретого пива? — сказал кто–то.

— Пошли! — обрадовался Бартек. У него давно живот от голода подвело.

— Пошли! — отозвались студенты. Толкнули дверь и гурьбой ввалились в харчевню.

Посреди её стоял большой некрашенный стол, а за столом на лавках сидели гости. В глубине харчевни в сложенном из кирпича очаге пылал огонь. Прямо над огнём жарился большой кусок мяса, с которого стекал жир.

А у очага на табурете дремал человек в чёрном длиннополом одеянии — то ли лекарь, то ли алхимик какой. Он громко храпел,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

раскачиваясь, да так, что пряди его длинных, до плеч, волос подрагивали.

Студенты сунули свои торбы и узелки под стол и давай подзывать к себе хозяина, требуя еды и питья. А вот появился и он. В руках у него был поднос, уставленный мисками и кружками. Бартек ел да пил за двоих, слушал рассказы студентов об ученье, о нелёгкой их жизни и с любопытством поглядывал на дремавшего возле очага господина.

— Кто это тут у очага спит? — спросил он у трактирщика.

— Доктор Медикус,— отвечал хозяин.— Пива выпил чуть не целую бочку, вот и дремлет у печки, словно шмель на цветке.

— Доктор? Медикус? — переспросил Бартек. Теперь он и вовсе не сводил глаз с господина.

Доктор был добродушный с виду, румяный да круглый. Вытянув ноги в туфлях с длинными узкими носками, Медикус спал словно малое дитя.

«Хорошо бы,— подумал Бартек,— поступить к этому доктору в услужение, всё легче, чем в Краковском университете учиться».

— Спит наш Медикус и горя не знает,— заметил хозяин,— а мне харчевню закрывать пора. Уже десять пробило. Того гляди, стражники нагрянут. Начнут алебардами в дверь стучать — спать, мол, пора.

— Послушайте, хозяин,— сказал Бартек.— Нужно бы доктора домой проводить. Ноги-то его после пива не держат, а краковские мостовые из булыжника. Я могу его отвести.

— Проводи, парень, проводи! — обрадовался хозяин.— Меня выручишь и ему услугу окажешь.

— А далеко ли идти-то?

— Да нет. Направо за угол свернёшь, а там и докторский дом рядом. По резным дверям его узнаешь. Не дом, а дворец! Ловкач наш доктор, да ещё какой! Дела у него хорошо идут.

— Вы только разбудите его, хозяин, а уж я отведу. Подошёл хозяин к доктору и тихонько за плечи потряс.

— Проснитесь, доктор, домой пора!

— В чём дело? Что такое? — рассердился доктор, открывая глаза.— Пожар? Горим?

— Да нет, слава богу, не горит наш Краков, целёхонек. Да только поздно уже.

Встал было доктор на ноги, да пошатнулся. А Бартек тут как тут, схватил его в охапку и поддержал.

— Кто этот любезный молодой человек, что меня поддерживает? — спрашивает доктор.

— Это я, Бартек! Обопритесь на меня, пан доктор. Я вам помогу.

— Спасибо, спасибо! Ты, я вижу, славный малый.

— Пустяки, доктор! Вы лучше под ноги глядите, не то о булыжники споткнётесь. Вот так, сюда. Хоп!

— Спасибо, спасибо, голубчик! Как мне отблагодарить тебя за услугу?

— Возьмите меня к себе в ученики, доктор. А я вам верой и правдой служить буду.

Вот так наш Бартек, проводив доктора до дому, у него и остался. Дом у Медикуса был полная чаша. Бартеку это понравилось, а ещё больше по вкусу ему пришлось, что больные за лечение золотыми монетами платят.

Приглядывался он к тому, как доктор больных лечит, какими травами их окуривает, какие ставит компрессы и примочки. Кое-чему у него научился, но больше всего разным мудрёным словам, сам их толком не понимая.

В те давние времена, лет эдак пятьсот да ещё сто назад, среди врачей немало шарлатанов и недоучек встречалось. И чего только люди не принимали: порошки из сушёных лягушек глотали, кирпич толчёный жевали, керосин пили — и живы были. Видно, крепкий тогда был народ.

Бартек вместе с доктором Медикусом кирпич толок, больных травяным дымом окуривал. Узнал кое-что и полезное, стал немного в травах разбираться, кое-какие мази составлял. Да ещё по вечерам Медикуса из харчевни домой приводил. А доктору только того и надо было.

Так прошло года два. И вот однажды вызвали доктора к какому-то важному вельможе. Вывел Бартек из конюшни кобылу, оседлал её, доктор надел свой самый лучший наряд, вынес целый мешок порошков, банку с пиявками, бутыль с касторкой и говорит:

— Слушай, Бартек. Еду я лечить одного обжору. Холодной гусятины объелся и теперь продохнуть не может. Долгое это будет лечение. А ты оставайся здесь без меня, кто придёт — прими.

Бартек с вежливым поклоном спрашивает:

— А золотые за лечение чьи будут? Мои или ваши?

— Твои! Твои! — сказал доктор. Полы своего одеяния подобрал, на кобылу влез, едет, а бутыль с касторкой и мешок с порошками, в так раскачиваясь, бьют по бокам кобылы.

Едет доктор с важной миной По равнинам, по долинам, По холмам да по пригоркам, У него бутыль с касторкой, Порошки, припарки, зелья Для здоровья, для веселья.

Как только доктор отъехал от дома, Бартек тотчас же его комнату-приёмную подмёл, чёрное одеяние надел, в окно выглядывает, больных поджидает.

Видит — идёт к нему бургомистр. На сквозняке его продуло, и теперь в ухе стреляет. Заглянул Бартек больному в ухо, крикнул и с важным видом говорит:

— Ухос стрелянтис продувантис.

— Что, что? — спрашивает бургомистр.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— Это я по–учёному говорю,— отвечает Бартек.

Взял он в руки кузнечный мех, самый маленький, какой в хозяйстве был, приложил бургомистру к уху да так дунул, что у того искры из глаз посыпались. Ухо первыми попавшимися травами со всех сторон обложил, голову платком обмотал и говорит:

— В полнолуние дома сидите, на левом боку спите, примочки на ухо кладите.

— А поможет? — спрашивает бургомистр.

— Как рукой снимет,— важно отвечает Бартек.

— Спасибо, доктор, спасибо. Сколько я за лечение должен?

— За лечение — золотой. А за лекарства из моей аптечки — ещё один.

Заплатил бургомистр Бартеку два золотых и с кряхтением и стонами поплёлся домой. А вслед за ним тётка местного судьи пожаловала.

Грусть и страдания да сердечные недомогания её замучили.

— Избегайте людей, которые вам перечат,— говорит ей Бартек, а сам улыбку прячет. Весь город знал, какая это вздорная старуха. Вечно скандалы да ссоры с домочадцами затевала.

Тётка от радости даже в ладоши захлопала. Понравился ей этот совет.

— А полезно ли мне для здоровья будет из города в деревню уехать?

— Уезжайте, почтеннейшая, и чем скорее, тем лучше. На утренней и вечерней зорьке по лесам и лугам гуляйте. Цветочки нюхайте. А я вам травку дам. Флорес–уморес.

— Флорес?

— Да–да. Флорес–уморес.

Достал Бартек из докторской аптечки горсть чемерицы, горсть горчицы да хорошую щепотку перца добавил. «Ну,— думает,— начнёт чихать старуха, вся дурь из головы вылетит». Аккуратно запаковал «лекарства» и подаёт.

— А что с этим делать? — спрашивает тётка.— Заваривать, пить?

— Лучше всего нюхать. Три раза в день. Поблагодарила больная Бартека, он ей вежливо улыбнулся напоследок, старуха дала ему золотой.

Вслед за ней пришла к нему крестьянка прямо с краковского рынка. У неё Бартек денег не взял, уж больно она на матушку его была похожа. Но она даром лечиться не хотела, дала ему гуся.

Так и лечил наш Бартек больных по науке доктора Медикуса и просто наугад, а главное — всё это вежливым обхождением скрашивал. И дело шло. Золотые монеты Бартек в сундук складывал, каждый день на обед утку или курятину ел. Порозовел, округлился.

Недельки через две–три, холодную гусятину из больного выгнав, возвратился домой доктор Медикус.

— Как дела, Бартек? — спрашивает.— Наверное, неплохо! Вон какой ты стал круглый да гладкий.

А Бартек вместо ответа на сундук с золотыми монетами показывает.

— Ну, коли так,— говорит Медикус,— значит, пришла пора нам расстаться. Двум докторам здесь делать нечего.

— Ваша правда,— согласился Бартек.— Я теперь и сам лечить умею. Подамся–ка я к себе в деревню. Стану лечить и городских, и деревенских, а может, и самого воеводу. У нас там неподалёку и замок его с шестью башнями. Будьте здоровы, доктор, а все прочие пусть себе болеют на здоровье.

— И тебе, Бартек, того желаю. Будь здоров.

Так и ушёл Бартек из города Кракова, золотые монеты в мешочек пересыпал, хлеба, сала, колбас разных набрал на дорогу. Идёт. Вышел из городских ворот, назад оглянулся. Солнце поднялось высоко над Краковым, позолотив крыши. А над самой высокой Мариацкой башней словно облачко золотое курилось. И тогда услышал он зов трубы — прозвучала и оборвалась мелодия, вонзившись прямо в сердце. Грустно ему стало. Оглянулся Бартек, бросил прощальный взгляд на город и вздохнул. А там уж зашагал не оглядываясь.

Шёл он весь день, видит — впереди болото. Идёт, ступает потихоньку — хоть он и каждую кочку здесь знал, а всё же в темноте идти страшновато. Над болотом мгла поднялась, а потом озарил камыши розовый месяц.

Бартек пошёл по лунной дорожке. Вдруг видит — неподалёку в зарослях белеет что–то. Вроде бы женщина стоит: старушка в белом платочке. Стоит, приговаривает:

— Ох, кто бы перенёс меня через топи да болота! Услышал Бартек эти слова, и жалко стало ему женщину. «Дай,— думает,— её перенесу. Отблагодарит ли, нет ли — всё равно».

Подошёл ближе, видит — стоит, прижавшись к вербе, маленькая старушонка.

Склонился он над ней, взял на руки. Лёгкая она была и до того худая, что Бартеку чудилось, будто он слышит, как она костями гремит.

— Спасибо тебе, паренёк, уважил ты меня. А как звать–то тебя?

— Бартоломей. Бартек.

— Бартек, значит? Спасибо тебе, ног не замочив, через эдакую мокредь переправлюсь! С этими словами уселась она на Бартека верхом и тоненьким голоском давай петь–подвывать:

Меня боится всяк,

Богатый и бедняк,

Служивый и купец,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Всех ждёт один конец...

— Такая ты важная госпожа? А я и не знал,— засмеялся Бартек.

— Госпожа и есть! — буркнула старуха. И знай себе повторяет: — Меня боится всяк...

Эхо разносило песенку по болоту, и со всех сторон раздавался старухин голос. Умолк и шелест листьев, и хлюпанье воды, и шорох качавшегося на ветру камыша.

Месяц снова выглянул, но свет его показался Бартеку тусклым. Холодно стало Бартеку, задрожал он как осиновый лист.

— Неужто ты не догадываешься, кто я? — спрашивает старуха.

— Да нет,— говорит Бартек, хотя вроде бы и мелькнула у него в уме шальная мысль, догадка.

— Ну вот что, парень, скрывать мне от тебя нечего. Смерть я! А ты кто будешь?

— Доктор. Да только недоучка. Лечу как придётся.

— Ну тогда я тебе пригожусь. Слушай меня внимательно! Придёшь к больному — первым делом смотри, где я стою. Если в ногах у больного — берись за лечение. Так и так выздоровеет. А если я у него в головах стою — откажись сразу. Всё равно толку не будет. По рукам?

— По рукам.

— Если же ты наш уговор нарушишь и больных, которых я забрать хочу, вылечить захочешь — я тебя с собой заберу.

Так они и поладили, и вскоре Бартек наш зажил на славу. Народ к нему со всей округи валом валил. Доктор он был знаменитый. Всем докторам доктор. С одного взгляда определял, одолеет ли больной свои недуги или нет.

И ещё ни разу не случилось, чтобы он взялся за лечение, да не вылечил.

Разбогател Бартек. Жили они с матушкой в большом достатке. Дом построили дубовый. Во дворе сад, огород, хлев, конюшня, амбары. Всего и не перечесать. Вот только мать тревожилась, всё сына спрашивала:

— И как это ты, сыночек, людей лечишь, не пойму я? И для сугрева и от жары одни и те же травы завариваешь. Сдаётся мне, что и не учился ты вовсе, а больше на хитрость надеешься. Только одной хитростью не проживёшь.

А Бартек в ответ:

— Не горюйте, матушка! Быстро я на доктора выучился, быстро и добро нажил. Богат стал и знаменит на всю округу.

И верно. Далеко разошлась о нём слава. Поэтому Бартек ничуть не удивился, когда однажды вечером к его дому подъехала золотая карета с гонцом от соседа-воеводы.

Заболела у воеводы дочка, и вот прислал он за Бартеком. Просит его единственную дочь от тяжкой болезни вылечить.

— Это нашего воеводы-то дочку? — испугалась матушка Бартека.— Да неужто ты к ней поедешь, сыночек? Да ведь ей ни одна пряха, ни одна портниха угодить не могут. Бегут от неё люди.

— Какая бы она ни была, а ехать надо. Воеводе не откажешь. Бывайте здоровы, матушка!

Попрощался Бартек со старушкой, сел в карету. Застучали копыта, и помчались рысаки от дубового домика к замку с шестью башнями, в котором жил воевода.

Вечер был, и в кустах сирени да боярышника заливались майские соловьи. Быстро мчались резвые кони, вот уже и замок воеводы показался.

А из замка навстречу доктору слуги выбегают, двери отворяют, в барышнину спальню ведут. Видит Бартек, на кровати из резного дерева девушка лежит. Белая как полотно. Еле дышит. Смотрит Бартек на девушку, и не верится ему, что с её губ могли слетать обидные для старой пряхи слова, что худенькие её руки в кулаки сжимались от гнева.

Жаль стало Бартеку девушку, подошёл он поближе и вздрогнул: в головах у неё стояла Смерть.

А тут подходит к Бартеку сам воевода с супругой, родственники со всех сторон подбегают, о здоровье барышни спрашивают.

— Оставьте меня с ней с глазу на глаз. Только тогда возьмусь за лечение,— сказал Бартек.

На цыпочках вышли родители девушки из покоев, вышла и родня её, на знаменитого доктора оглядываясь. Стал Бартек Смерть молить:

— Ой вы моя ясновельможная пани! Уступите мне разок, хочу я, чтобы эта девушка жила.

Смерть только плечами пожала:

— Ты, парень, сам не знаешь, что говоришь. Или забыл про наш уговор?

— Хоть раз пожалейте. Уступите, Курносенькая.

— И не подумаю! Ради какой-то девчонки? С чего вдруг? Или приворожила она тебя?

— Сам не знаю. Лежит такая худенькая, такая бледная. Сделайте милость, госпожа, встаньте у неё в ногах. А я её вылечу.

— А ты и лечишь-то не лучше, чем слово держишь.

— Сжальтесь...

— И не подумаю...

— Уступите, Курносенькая, дайте пожить нам обоим. Добром прошу.

— Не бывать этому!

— Ах так! — крикнул Бартек.— Не хотите по-хорошему, на себя пеняйте.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Схватил деревянную кровать, повернул изголовьем к дверям, и Смерть в ногах у девушки оказалась.

— Ишь как тебя занесло! — покачала она головой.— Со мной шутки плохи. От меня не уйдёшь. До свидания, герой, скоро встретимся — и на веки вечные.

Раскинула руки и вылетела в окно. Только белый платочек на плечах её мелькнул.

Смотрит Бартек на девушку. Щёки у неё порозовели. На губах улыбка. Открыла она глаза тёмные, зоркие, как у сороки, и закричала сердито и громко:

— Эй, Богуся, Кася, Репка! Ужин — в постель. Да молоко чтобы не горячее и не холодное было, а булка — хрустящая! Богуся, Кася, Репка! Где вы там! Живее!

Тут она увидела доктора:

— А ты кто такой?

— Доктор я.

— Не нужен мне доктор. Я здорова. Убирайся отсюда, да поскорее! Батюшка тебе заплатит, сколько нужно.— И отвернулась от Бартека.

Сжалось у Бартека сердце то ли от боли, то ли от горечи, то ли от восторга. В последний раз взглянул он на девушку и вышел. А навстречу ему прислуга бежит, Бартека чуть с ног не сбила. Бегут служанки со всех ног, а из спальни снова доносится сердитый голос:

— Богуся! Кася! Репка!

Вслед за девушками и сам воевода несётся, кинулся Бартека обнимать.

— Здорова, моя доченька здорова! — кричит.— Уже и нрав свой показывает, плутовка! Спасибо, доктор. Век твоей услуги не забуду.

Большой кошель от пояса отстёгивает, Бартеку суёт. Но только на этот раз не обрадовало Бартека золото. Словно бы в этом кошельке не золотые монеты, а медные пуговицы были. Не взял Бартек у воеводы кошель.

— За щедрость спасибо. Но за здоровье дочери вашей по-другому рассчитываться придётся.

— Сколько, сколько я тебе должен?

— Завтра сочтёмся. А сейчас мне домой пора.

— Завтра так завтра. До свидания.

— Прощайте, пан воевода.

Воевода сложил ладони трубочкой и кричит на весь двор:

— Эй, слуги, проводите доктора к карете!

Вышел Бартек во двор, а там уже и карета стоит. Двенадцать коней, сивки как на подбор, а карета из чистого золота: «Вот, мол, какой я подарок отвалил. Знай наших!»

Но Бартека и карета не обрадовала. Молча плюхнулся он на мягкие подушки и крикнул кучеру — вези, мол, домой.

Резво бегут кони по дороге. А вот и болото показалось. Взошёл месяц, и вода серебром отливала. Вдруг из-за верб послышалась песенка, словно бы комар тоненьким голосом запищал:

Ой, лес гудит,

Старый дуб шумит,

Комар с дуба упал,

Себе шею сломал.

Ой, весть не к добру,

Смерть пришла к комару...

«И... и... и...» — тоненько запищали комары над лугами, вторя песенке.

— Ого,— сказал Бартек,— это Курносая пришла. Со мной встречи ищет.

Только он это сказал, кони остановились, стоят, ушами стригут, ржут тихонько.

— Здесь меня подожди,— сказал Бартек кучеру.

Вылез из кареты, идёт, по сторонам озирается. Вокруг топи да болота, и вдруг за кустами вроде бы беленький платочек мелькнул.

«Вот она,— подумал Бартек,— ну что же, пойду к ней навстречу».

И пошёл через луг. А комары всё кружат над ним и пищат:

«И-и-идёшь? И-и-идёшь?»

Насилу их Бартек кулаком разогнал.

— Иду. Как не пойти! Если я к ней не приду, она сама меня разыщет.

Вот и кусты перед ним. А из-за кустов Смерть выглядывает.

— Это хорошо, что ты наш уговор помнишь,— говорит.— Ступай за мной.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Шли они долго болотами да лугами, наконец подошли к глубокой яме, а над ней неровным светом огонёк светился.

— Спускайся за мной, Бартек. Милости прошу. Это моя хата. Спустился Бартек вслед за Смертью в яму.

Огляделся по сторонам, видит — тёмные стены паутиной покрыты, на стенах широкие полки укреплены, а на полках рядами светильники стоят. В одних огоньки горят ярко, ровным пламенем, в других — стелются, в третьих — угасают совсем.

— Что это за огоньки? — спрашивает Бартек.

— Это жизни человеческие,— говорит Смерть.— Вот эти ровные, светлые огоньки ещё долго гореть будут. А вон те, видишь, угасают совсем.

— А где же огонёк барышниной жизни? — спрашивает Бартек.

— Вот он,— сказала Смерть, показав на весело потрескивающий, яркий, словно бы игривый огонёк.

— А мой где?

— Сила твоего огонька в её перешла, вот гляди!

И Смерть показала Бартеку на огонёк, который уже совсем догорал.

— Эх, не удалось мне тебя перехитрить! — сказал Бартек и упал замертво.

— Видный был парень и неглупый,— сказала Смерть.— Да только одной ловкостью и хитростью прожить хотел. Вот и пришёл конец нашей сделке.

Тут и нашей истории конец.

А случилось это давным-давно, с тех пор прошло лет пятьсот да ещё сто. Теперь доктора на нашего Бартека не похожи, и надо бы эту историю по-иному рассказывать. Но уж пусть она останется такой, какой сказывали её в стародавние времена, выдумками да шутками старых прях да людей бывалых приукрашенная. А если кто хочет услышать живой рассказ, пусть поедет в город Стани-славовице, что на реке Рабе. Там легенду эту знают.